© 2019. И. А. Виноградов
г. Москва, Россия

Славянофил-государственник. Н. В. Гоголь в движениях эпохи

Аннотация: В статье впервые на основании многочисленных источников предложено понимание общественно-политической позиции Гоголя как славянофила-государственника. Будучи неизменным сторонником единства славян, Гоголь придерживался глубоко «охранительных» взглядов по отношению к русской государственности. Во главу угла он ставил интересы России как уникального государства единственного славянского народа, сохранившего в истории свою независимость и самобытность. Единомысленниками Гоголя в таком понимании славянского вопроса были Н. М. Карамзин, С. С. Уваров и, отчасти, старейшие представители славянофильского лагеря, близкие друзья писателя М. П. Погодин и С. П. Шевырев, в свою очередь зарекомендовавшие себя в истории общественных течений как мыслители-государственники. Как убежденный славянофил Гоголь одновременно критически относился к оппозиционным взглядам своих приятелей, московских славянофилов К. С. Аксакова и И. В. Киреевского, к сепаратистским воззрениям своего земляка, слависта О. М. Бодянского, к негативно настроенным по отношению к дому Романовых польским славянофилам во главе с А. Мицкевичем, и позиции отечественных радикалов-западников В. Г. Белинского и А. И. Герцена. Делается вывод, что Гоголь стоял определенно выше многих представителей как западнического, так и славянофильского направлений, ибо по целому ряду вопросов превосходил не только далеких от него западников, но и гораздо более близких ему «восточников», которые тоже не достигали масштабности и объективности гоголевского художнического видения.

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, интерпретация, славянофилы, западники, радикализм, консерватизм, монархизм, патриотизм, духовное наследие

Информация об авторе: Виноградов Игорь Алексеевич, ORCID 0000-0002-9151-4554 — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069, г. Москва, Россия

E-mail: info@imli.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 05.09.2019

Дата публикации статьи: 10.12.2019

Для цитирования: Виноградов И. А. Славянофил-государственник. Н. В. Гоголь в движениях эпохи // Два века русской классики. 2019. Т. 1. № 2. С. 36–61. DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-2-36-61

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019. Igor A. Vinogradov
Moscow, Russia

Slavophil-statesmen. N. V. Gogol in the movements of the epoch

Abstract: In the article for the first time, on the basis of numerous sources, an understanding of the socio-political position of Gogol as a Slavophile state figure is proposed. Being a constant supporter of the unity of the Slavs, Gogol at the same time adhered to deeply “protective” views in relation to Russian statehood. At the forefront of Slavophilism, he put the interests of Russia as a unique state of the only Slavic people who retained their independence and identity in history. N. M. Karamzin, S. S. Uvarov and, partly, the oldest representatives of the Slavophile camp, close friends of the writer M. P. Pogodin and S. P. Shevyrev, in their turn, recommended themselves in the history of social currents as thinkers-statesmen. As a convinced Slavophile, Gogol at the same time was critical to the opposition views of his friends, the Moscow Slavophiles K. S. Aksakov and I. V. Kireevsky, the separatist views of his fellow countryman, the Slavist O. M. Bodyansky. Gogol was also critical to the negative attitude towards the Romanov’s house of Polish Slavophiles led by A. Mickiewicz, and — to an even greater extent — to the position of the domestic radicals-Westerners V. G. Belinsky and A. I. Herzen. To be concluded, Gogol was definitely superior than both the Westernist and many representatives of the Slavophilist movement, because on a number of issues he was superior not only to the Westernists who were far from him, but also to the “Orientalists” who also could not reach the scale and the objectivity of Gogol’s artistic vision.

Keywords: Gogol, biography, creativity, interpretation, Slavophiles, Westerners, radicalism, conservatism, monarchism, patriotism, spiritual heritage.

Information about the author: Igor A. Vinogradov, ORCID 0000-0002-9151-4554, DSc in Philology, Chief Researcher, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069, Moscow, Russia

E-mail: info@imli.ru

Received: September 05, 2019

Published: December 10, 2019

For citation: Vinogradov I. A. Slavophil-statesmen. N. V. Gogol in the movements of the epoch. Two centuries of the Russian classics, 2019, vol. 1, № 2, pp. 36–61. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-2-36-61

В истории славянофильства и западничества особую проблему представляет определение места, которое занимал в противостоянии двух идеологий Н. В. Гоголь. Внятного ответа на этот вопрос до сих пор не существует. С одной стороны, бытует мнение об «изъятости» писателя из полемики славянофилов и западников, с другой, — предполагается, что Гоголь находился «между» двумя современными течениями¹, пытаясь якобы примирить «достоинства» обоих направлений.

О примирении всех русских людей во Христе Гоголь, действительно, размышлял, начиная с самых ранних своих произведений. Однако это всегдашнее христианское стремление Гоголя не имеет ничего общего с старанием «приблизить» писателя, под этим предлогом, к западнической идеологии. Само формирование славянофильства и западничества было во многом обязано произведениям Гоголя — прежде всего выходу в свет повести «Тарас Бульба», восторженно встреченной не только С. П. Шевыревым и М. П. Погодиным, но и молодым В. Г. Белинским. Впоследствии эта повесть прямо способствовала становлению национального самосознания славянства². (Надо сказать, что за изучение истории славян Гоголь принялся на несколько лет раньше А. С. Хомякова.) Не меньшее значение имела публикация первого тома «Мертвых душ», полемика о котором К. Аксакова и Белинского явилась *первым* публичным актом размежевания критиков двух лагерей. Яркое выраженный славянофильский, антизападнический характер носит итоговая книга Гоголя — «Выбранные места из переписки с друзьями», — что очень хорошо понял, сразу по ее выходе, Белинский, впадший по этому поводу в «негодование и бешенство» [Белинский: 340].

Среди многочисленных свидетельств, указывающих на то, что Гоголь принадлежит к кругу славянофилов, наиболее показательной

¹ Расхожее мнение. См., к примеру: [Сакулин: 375].

² См. [Виноградов, 2009: 494–495, 526–527, 554–556, 559–561, 569–574, 577, 580–581, 591–606].

является в «Переписке с друзьями» статья «Споры». Здесь Гоголь со всей определенностью утверждает, что правды, «разумеется», «больше» на стороне славянофилов, чем западников [Гоголь. Т. 6: 51–52]. По словам писателя, последние «давно бы готовы были <...> отступить» от своих взглядов, но «упорствуют» — потому что «не желают уступить слишком раскозырявшейся» противоположной стороне [Гоголь. Т. 6: 51–52].

В еще одной статье «Выбранных мест...», «О лиризме наших поэтов», Гоголь также недвусмысленно выступает в защиту славянофилов, возражая против критического мнения о них своего друга, поэта В. А. Жуковского [Виноградов, 2018 (а): 259].

Весьма значимым в этом ряду является откровенное *восторженное* одобрение Гоголем антизападнического стихотворения Н. М. Языкова «К нашим». «Сам Бог внушил тебе прекрасные и чудные стихи “К не нашим”. — писал Гоголь Языкову. — <...> Они <...> сильней всего, что у нас было писано доселе на Руси» [Гоголь. Т. 13: 29]¹.

Среди других свидетельств, проясняющих славянофильские взгляды Гоголя, следует указать на то, что в письме к С. Т. Аксакову Гоголь, работая над вторым томом «Мертвых душ», сообщал, что круг идей, занимающих славянофилов, волнует его не менее самого Константина Аксакова — старшего из аксаковских сыновей, «восточника» с наиболее радикальными взглядами (см.: [Гоголь. Т. 15: 88]).

Само по себе показательное то, что все друзья Гоголя были исключительно из славянофильского и консервативного лагеря. Западник П. В. Анненков, некоторое время живший с Гоголем в Риме, другом ему так и не стал. Гоголь относил Анненкова к «господам, до излишества живущим в Европе» [Гоголь. Т. 15: 443].

Между Гоголем и его друзьями-славянофилами возникали подчас и существенные разногласия по отдельным вопросам. Однако порождались они отнюдь не симпатиями Гоголя к западнической идеологии, а сугубой приверженностью писателя к традиционным взглядам — тем, что обсуждаемые проблемы он решал с духовной точки зрения. К примеру, значение для упрочения народного быта перевода В. А. Жуковского «Одиссеи» Гомера или такую же роль публикации «Домостроя» протопопа Сильвестра Гоголь ставил настолько высоко, что считал появление этих изданий делом куда более важным, чем отвлеченные

¹ См. также: [Гоголь. Т. 13: 30].

рассуждения друзей о славянских началах. Аксаковы, как известно, весьма критично отнеслись к обеим этим книгам¹.

Определенно «правее» своих друзей-славянофилов Гоголь был и в собственно политических вопросах. Хорошо известно, что славянофильству была присуща изрядная доля оппозиционности. Примеры оппозиционности со стороны славянофилов, проявления их политического радикализма довольно многочисленны; эту отличительную черту они демонстрировали неоднократно². В. Г. Белинский в письме к П. В. Анненкову 1848 г. замечал: «...Лучшие из славянофилов смотрят на народ совершенно так, как мой <...> друг <М. А. Бакунин>; они высосали эти понятия из социалистов, и в статьях своих цитируют Жоржа Занда и Луи Блана» [Белинский: 468]. Именно от своих приятелей-славянофилов Гоголь мог услышать доброжелательный отзыв о западнике А. И. Герцене. Об этом отзыве он упомянул в 1847 г. в письме к П. В. Анненкову (см.: [Гоголь. Т. 14: 439–440]). В свою очередь, Герцен в 1850 г. замечал: «...Социализм, который так решительно, так глубоко разделяет Европу на два враждебных лагеря, — разве не признан он славянофилами так же, как нами? Это мост, на котором мы можем подать друг другу руку» [Герцен: 248].

Брошюра Герцена «О развитии революционных идей в России», откуда взяты эти строки, была встречена Гоголем неодобрительно. В отличие от своих фрондирующих друзей «подать руку» западником на *таком* основании Гоголь не мог. Свое отношение к теории, способной, по мнению Герцена, объединить славянофилов и западников, Гоголь вполне обозначил в 1847 г. в неотправленном письме к Белинскому, говоря о «нынешних ком<м>унистах и социалистах, объясняющих, что Христос повелел отнимать имущества и грабить тех, которые нажили себе состояние» [Гоголь. Т. 14: 388].

Свидетельства об оппозиционности славянофильства весьма многочисленны. В конце 1845 г. Ю. Ф. Самарин не без иронии писал К. Аксакову об их общих московских беседах: «Мы вели такие разговоры, <...> что не идти на другой день на Петербург войною значит дать шаг назад и уронить себя в общем мнении» [Самарин: 152]. В начале апреля 1847 г. тот

¹ См.: [Гоголь. Т. 13: 457]; [Виноградов, 2012: 588, 602–603, 607, 651, 798, 849, 913]; [Пирожкова: 633]; [Виноградов, 2018 (а): 383–384].

² Подробнее об известной «оппозиционности» к существующему положению вещей не только «европистов», но и «восточников» см.: [Виноградов, 2017 (в)].

же Самарин сообщал А. С. Хомякову: «Я узнал, что дано *весьма секретное* приказание схватить Чижова, Савича и Кулиша, как скоро они переедут нашу границу, запечатать всех их бумаги и препроводить их под надзором жандарма в Петербург. <...> ...Весьма может быть, что доберутся и до нас. <...> ...Как бы предупредить Чижова и прочих» [*Самарин*: 422].

Спровоцированные тогда деятельностью киевского Украина-славянского общества гонения на славянофилов затронули Ф. В. Чижова, А. С. Хомякова, И. С. Аксакова и самого Самарина. Упомянутые Самариным в письме Н. И. Савич и П. А. Кулиш, вместе с Т. Г. Шевченко и др. состояли в указанном обществе, объединявшем сепаратистски настроенных по отношению к российской государственности украинских славянофилов (организаторы называли своей кружок Обществом Святых Кирилла и Мефодия). В частности, в 1847 г., будучи за границей, Савич передал главе польских славянофилов, А. Мицкевичу, поэму Шевченко «Кавказ». Оправдывая свой политический сепаратизм идеей единства славян, члены Украина-славянского общества являлись в этом отношении прямыми наследниками пропольской оппозиционной ложи «Соединенных славян» (действовала в Киеве в 1818–1822 гг.) и аналогичного преддекабристского «Общества соединенных славян» (1823–1825 гг.). Подготовку «возмущения, гибельного для России» под благовидным предлогом сочувствия к западным славянам Император Николай I называл в 1849 г. смешением «преступного с святым» [*Аксаков И. С.*: 502].

Отдельные расхождения Гоголя со славянофилами порой проявлялись даже на бытовом уровне. В 1849 г. Гоголь, вернувшийся в 1848 г. из-за границы, не был приглашен на именины К. С. Аксакова 21 мая, а двумя неделями ранее сам К. С. Аксаков не явился на именины Гоголя 9 мая. В этот период Ольга Семеновна Аксакова неоднократно жаловалась сыну Ивану, что Гоголь постоянно говорит Константину «очень резкие вещи» — даже «оскорбляет» его (см.: [*Гоголь в неизданной переписке...* 715–716]). Тогда же сам Константин Аксаков сообщал брату: «...Столкновения мои с Гоголем часто неприятны; в его словах звучит часто ко мне недоброжелательство и оскорбительный тон» [*Гоголь в неизданной переписке...*: 715].

Суровое отношение Гоголя к К. С. Аксакову носило, судя по всему, принципиальный характер. Оно было связано с их острым спором о значении для России единодержавия. В «монархическом», чрезвычайном важном для Гоголя вопросе Аксаковы выступали единым фронтом

против писателя — вполне «в ногу» с своим давним знакомым Белинским. Примечателен вывод, сделанный из споров с Аксаковыми А. О. Смирновой, в письме к Гоголю 1847 г.: «Ненависть к власти, к общественным привилегиям, к высокому рождению и богатству — такова-то отвлеченная страсть к идеальному русскому, таящемся в бороде, — вот начало этих господ» [*Гоголь*. Т. 14: 165].

Будучи гораздо более основательным, чем его друзья, последователем славянофильского учения, Гоголь хорошо разбирался в разнообразных течениях этого общественного движения, отчасти нами сегодня подзабытых (см.: [*Виноградов, 2017 (а)*]; [*Виноградов, 2017 (б)*]). Наибольший контраст гоголевским взглядам представляло славянофильство польских националистов во главе с Мицкевичем. С этой ветвью славянофильства едва не смыкалось в негативном отношении к России отечественное западничество. Между тем сами славянофилы, в том числе московские, ощущали себя во многом принадлежащими к «единому» полю славянофильства. В отличие от этого сомнительного «единодушия», взгляды Гоголя как убежденного славянофила отличались не только от воззрений западников, но и от позиции более близких ему по духу современников. Не только над западным польским славянофильством, но и над сепаратистски ориентированным украинским славянофильством земляка О. М. Бодянского¹, и над оп-

¹ Как указывал позднее И. И. Срезневский, «выбор задачи» для защищенной в 1837 г. в Московском университете диссертации О. М. Бодянского «О народной поэзии Славянских племен» «не был решением только частного пристрастия к ней самого Бодянского: он был первым литературным последствием одного из нововведений Университетского устава 1835 года, которым в числе кафедр историко-филологического факультета дало место кафедре истории и литературы Славянских наречий» [*Срезневский*: 32]. Срезневский продолжал: «Почти непосредственно за преобразованием Московского университета на кафедру эту вошел <...> М. Т. Каченовский (который был перемещен сюда, за свои резко “скептические” взгляды по поводу отечественного прошлого, с кафедры русской истории — которую вместо него возглавил М. П. Погодин. — И. В.)... <...> На виду у Каченовского как будущий помощник его по кафедре был Бодянский, ученик им любимый и по познаниям, и по трудолюбию, и как земляк. Каченовский стал поддерживать Бодянского в занятиях Славянскими наречиями и был главным виновником выбора предмета для диссертации — если не в частности, то по крайней мере вообще» [*Срезневский*: 32–33]. Таким образом, вопреки намерениям Уварова, его начинание — учреждение в университетах славянских кафедр,

позиционной, критически настроенной к «дому Романовых» частью московского славянофильства, прежде всего, Аксаковыми, — над всеми этими друзьями и знакомыми из круга славянофилов Гоголь возвышается как последовательный славянофил-«государственник»¹. Во главу угла славянофильства Гоголь ставил интересы России как уникального государства *единственного* славянского народа, сохранившего в истории свою независимость и самобытность. Именно этим объясняется глубоко «охранительное» отношение Гоголя к русской государственности. В таком понимании значения России в славянском мире Гоголь был отнюдь не одинок. Среди его единомышленников можно назвать Н. М. Карамзина, С. С. Уварова (см.: [Виноградов, 2018 (а): 385]), М. П. Погодина, С. П. Шевырева (старейших представителей славянофильского движения, по праву также считающихся мыслителями-государственниками), сербского святителя Петра Цетинского (Негоша, 1748–1830). Последний говорил: «...Радость и счастье всего славяно-иллирийского народа зависят от процветания и славы высокославных россов, правление которых для расширит Бог во все концы

призванное способствовать изучению славянства, с самого начала стало приобретать сепаратистский, оппозиционный характер.

Радикализм гоголевских земляков Каченовского и Бодянского в свою очередь имеет много общего с радикальными негативными взглядами на русскую классику украинофильствующего издателя журнала «Маяк» С. О. Бурачка. В отличие от Гоголя, Бодянский и Бурачек были безусловными почитателями творчества Т. Г. Шевченко (с которым были лично знакомы). Известно, что в 1847 г. Шевченко за свою русофобию и негативное отношение к русской государственности был официально осужден. Гоголь, как и в случае с Бодянским, критически относился к нигилистическим взглядам Шевченко и Бурачка. По поводу Бурачка писатель, в частности, замечал: «Односторонние люди и притом фанатики — язва для общества... <...> У них нет никакого смиренья христианского и сомненья в себе; они уверены, что весь свет врет и одни они только говорят правду» [Гоголь. Т. 6: 63].

¹ Речь идет не о том, чтобы дать Гоголю новое определение (в данном случае определение славянофила-государственника), но о том, чтобы через это обозначить некие закономерности гоголевского мировоззрения. Подобно тому, как в споре романтизма и классицизма Гоголь как гений преодолевает узость современной ему полемики и возвышается над современниками в качестве самобытного писателя-неоклассика, так же в общественно-политических движениях времени он превосходит своих наиболее глубоких и проницательных современников оригинальной позицией славянофила-государственника.

вселенной» [Петр Цетинский: 325–326]. «Кто против них, тот против и нас», — отвечал святитель наполеоновскому генералу Мармону по поводу отношения сербов к русским [Лавелз: 52].

В изучении вопроса о месте Гоголя в полемике славянофилов и западников особый интерес представляет письмо, включенное писателем в «Выбранные места из переписки с друзьями» с полемическим названием «Близорукому приятелю». Славянофильский пафос этой статьи очевиден. В статье «Споры» Гоголь замечал о западниках, что, в отличие от славянофилов, они рассуждают о России, подойдя «слишком близко к строению» [Гоголь. Т. 6: 51]. В точном соответствии с этой характеристикой в статье «Близорукому приятелю» Гоголь критикует «взгляд современной близорукости», — прямо подразумевая под этим западничество [Гоголь. Т. 6: 134].

При всем этом надо, тем не менее, иметь в виду, что в итоговой книге Гоголя, наряду с преобладающей антизападнической направленностью, есть и вполне определенная критика в адрес славянофилов. Так, в статье «О том, что такое слово» заключается, как известно, весьма нелицеприятное обличение литературной и научной деятельности одного из видных представителей славянофильского лагеря Погодина. В то же время, обращая внимание на эту статью, важно не упустить весьма существенную особенность гоголевской критики Погодина. Если в отношении к западничеству Гоголь не разделяет самих *идей* «европистов» — взглядов, почерпнутых из «иностранных книг» и «английских журналов» (согласно строкам статьи «Близорукому приятелю» — [Гоголь. Т. 6: 134]), то применительно к славянофильству его позиция принципиально иная.

Обращаясь к «близорукому приятелю», Гоголь критикует не столько представителей западничества, но главным образом сами западные воззрения, которыми заражен его корреспондент. Напротив, в статье с критикой Погодина, «О том, что такое слово», славянофильские взгляды Гоголь *защищает* — обличая их недостойного, «недозревшего» до них носителя — своего друга. В отличие от «близоруких» представлений западников, славянофильские и верноподданнические воззрения настолько дороги Гоголю, что выговаривает он приятелю — своему единомышленнику — вовсе не за эти общие, одинаково разделяемые ими взгляды, но обличает его за их недопустимую профанацию. По гоголевской оценке, Погодин как профессор университета и как издатель славянофильского журнала «Москвитянин» своей торопливостью, «неряшеством и

неопрятностью» [Гоголь. Т. 6: 21] компрометирует важнейшее для России, для всех русских людей дело — так же, как повредил этому патристическому делу упоминаемый в той же статье Г. Р. Державин, *наиболее почитаемый*, с детства любимый Гоголем поэт, который должен был, по гоголевской оценке, ради этих самых дорогих, заветных идей, «сжечь по крайней мере целую половину од своих»: «Сколько усумнилось в искренности его чувств потому только, что нашли их во многих местах выраженными слабо и бездушно...» [Гоголь. Т. 6: 20].

Обличение Погодина, мотивированное заботой об общем деле, стремлением уберечь это дело от профанации¹ — не единственное критическое выступление Гоголя, направленное на конкретных представителей славянофильства — своих друзей. Таким же стремлением продиктовано сразу несколько гоголевских обличений — по разным поводам — в адрес славянофила К. С. Аксакова. Об одном из них, по поводу «дома Романовых», уже говорилось. Обратимся к другому.

Когда Аксаков, ратуя за народность, стал ходить в русском кафтане и отпустил бороду — не без вызова самим правительственным постановлениям², — то, по оценке Гоголя, этим поступком он даже не скомпрометировал себя, но, употребляя собственное выражение писателя, «просто охаял», выставил на смех важнейшее начинание [Гоголь. Т. 13: 388].

¹ Возможно, обличение Погодина в «Выбранных местах из переписки с друзьями» объясняется, помимо прочего, и нежеланием Гоголя, чтобы тот высказал книге в печати свое одобрение. По замыслу Гоголя, «Переписка с друзьями» была адресована людям самых разных взглядов и направлена на объединение противоборствующих в России партий (см. [Виноградов, 2017 (2): Т. 4: 454–457]), тогда как предсказуемо восторженный отклик на его книгу Погодина в журнале «Москвитянин» сделал бы ее знаком лишь одной, хотя и наиболее близкой самому автору партии, и тем самым оттолкнул бы от книги, сформировал предвзятое к ней отношение читателей других взглядов, прежде всего, западников, стоящих, по словам Гоголя в письме к С. П. Шевыреву от 11 февраля (н. ст.) 1847 г., «на низшей перед нами ступеньке воспитания» [Гоголь. Т. 14: 81]. Предполагаемое выступление Погодина в поддержку «Выбранных мест...» могло бы стать неуместной услугой Гоголю — чего тот, вероятно, и опасался от «медвежьей натуры» Погодина (выражение из письма Гоголя к Н. М. Языкову от 12 ноября (н. ст.) 1844 г. [Гоголь. Т. 12: 494]).

² Существовал указ от 2 апреля 1837 г. «О воспрещении гражданским чиновникам носить усы и бороду» (Полн. собр. законов Российской Империи. Собр. 2-е. СПб., 1838. Т. 12. Отд. 1. С. 206).

Эта критика Аксакова отнюдь не означала осуждения Гоголем самих национальных традиций вплоть до внешнего облика. Он писал Аксакову: «Я сам питаю отвращение к нашему обезьянскому европейскому наряду <...>; но <...> у нас <...> царь — глава, и только то, что передается через него <...> облекается в законность» [Гоголь. Т. 13: 216–217]. Судя по всему, писатель помнил слова св. пророка Софонии: «И будет, в день жертвы Господни, и отмщу на князи и на дом царский, и на вся оболченные во одеяния чуждая...» (гл. 1, ст. 8). Поэтому призывая приятеля временно воздержаться от «ношения бороды, русского кафтана» [Гоголь. Т. 13: 216], Гоголь по-прежнему выказывал себя как последовательный славянофил-«государственник». Как и в других случаях, особенность позиции писателя заключалось в том, что, разделяя основные положения славянофильства, он считал некоторые из славянофильских начинаний преждевременными.

За то же самое — за преждевременность и профанацию важного начинания — Гоголь критиковал К. С. Аксакова и в связи с проповедными последним взглядами о значении Москвы. По этому поводу Гоголь в письме к Аксаковым замечал: «Чувствуете ли вы страшную истину сих слов: Не приемли имени Господа Бога твоего всуе?» [Гоголь. Т. 12: 157]. В статье «О том, что такое слово», с критикой Погодина, Гоголь добавлял: «Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними... <...> Не столько зла произвели сами безбожники, сколько <...> неприготовленные проповедатели Бога, дерзавшие произносить имя Его неосвященными устами» [Гоголь. Т. 6: 21].

Епископ Варнава (Беляев), говоря об идейных основах славянофильского учения, указывал: «Конечно, для знакомого с аскетической святоотеческой литературой учение славянофилов не представляет чего-нибудь нового, но для внешнего мира оно, безусловно, новая и доброкачественная мысль. Уже и сейчас, как она есть, эта школа достойна составить важную главу в истории русской философии, а если бы была поддержана и развита, то, возможно, произвела бы в ней настоящий переворот» [Варнава, епископ: 247].

Однако эта характеристика славянофильства отражает лишь одну, самую позитивную из его сторон. Именно эта сторона была близка Гоголю, так что в этом отношении его с полным правом можно назвать славянофилом. Но наряду с позитивным началом, в славянофильском учении были (увы!) элементы иного характера, прямо роднящие его с

западничеством. Прежде всего, это касается истоков этого общественного течения.

И. В. Киреевский, прошедший в свое время западную выучку, слушавший в Германии лекции Шеллинга и Гегеля, в 1856 г., незадолго до смерти указывал: «Если бы не узнала Россия Шеллинга и Гегеля, то как уничтожилось бы господство Вольтера и энциклопедистов над русскою образованностью?» [*Киреевский, 1857: 7*]. Судя по всему, это самооправдание Киреевский почерпнул у самого А. С. Пушкина. В одной из глав незавершенного очерка о Радищеве, впервые напечатанного в отрывках в 1841 г., поэт замечал: «Философия Немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому. Тем не менее, влияние ее было благотворно: она спасла нашу молодежь от холодного скептицизма Французской философии...» [*Пушкин: 18*].

С этими важными пушкинскими размышлениями, затрагивающими самые истоки славянофильского «любомудрия», Гоголь, как выясняется, познакомился еще в 1836 г., прочтя их в рукописи. Уже тогда Гоголь, имея в виду замечание поэта о далекой от «практического» духа немецкой философии, в одной из рецензий, написанных для пушкинского «Современника», выступил с резкой критикой отвлеченных «рассуждений и трактатов», из которых «все практическое», «взятое из жизни» изгонялось, ибо считалось «пустым и недостойным» [*Гоголь. Т. 7: 494*]¹. Еще в первой половине 1830-х гг. оторванную от жизни

¹ Критикуя схоластические сочинения, Гоголь отмечал, что несмотря на мнимую «питательность» этих книг, нравственность их читателей была «не очень чиста» [*Гоголь. Т. 7: 494*]. Наряду с отвлеченными «нравственными» произведениями появилась тогда масса откровенно безнравственных [*Гоголь. Т. 7: 494*]. К тому же туманная схоластика стала главной причиной «малого распространения охоты к чтению в нашем обществе» [*Гоголь. Т. 7: 494*]. Этот неутешительный вывод Гоголь подводил как для предшествующего века, так и для своего времени: «Такой раздор теории с практикою был повсеместен в конце 18 столетия. В 19 столетии масонские и другие секты, отвлеченный мистицизм поддерживали существование подобных философских сочинений, рассуждений, увещаний и трактатов, хотя облеченных уже в другие формы» [*Гоголь. Т. 7: 494*]. Необходимость появления новых форм, в которые «облеклись», благодаря усилиям популяризаторов, новейшие трактаты, Гоголь объяснял самим характером немецкой философии: «Когда Кант, Шеллинг, Гегель, Окен <...> обрабатывали науку, <...> их мнения распространялись только в кругу небольшом

их слушателей...» [Гоголь. Т. 7: 494]. Но и обновленный «другими», более приемлемыми формами изложения «схоластизм», по наблюдениям Гоголя, в существе своем не изменился. Несмотря на то, что последователи немецких философов, «среднего класса люди», «без орлиной мысли и таланта», изложили их абстрактные рассуждения «общеупотребительным языком», — так что «приученные мистицизмом читатели брались охотно за эти книги» [Гоголь. Т. 7: 494], — тем не менее, удаленная от практики мысль осталась по-прежнему бесплодной. Яркой противоположностью тщетной схоластической философии, спасительным выходом из тупика, является, по убеждению Гоголя, «высший» род словесности [Гоголь. Т. 6: 324] — подлинная, связанная с жизнью, проникнутая глубокой мыслью поэзия. В своей рецензии Гоголь, обращаясь еще раз к словам Пушкина о замене немецкой философии «духом более практическим», писал: «В наш век почти общим сочувствием была признана необходимость воплощения всякой мысли практически. <...> ...Дела более значат, нежели слова. Живой пример сильнее рассуждения, и никогда мысль не кажется нам так высока, <...> когда разрешается пред нами живым, знакомым миром, когда она, можно сказать, читается духовными нашими глазами из целого создания поэта. Божественный Учитель и Спаситель наш первый открыл эту высокую тайну, облекши святые божест<венные> мысли Свои в притчи, которые слушали и понимали тысячи народов» [Гоголь. Т. 7: 494–496]. — Можно заметить, что логика гоголевской рецензии, предназначенной для пушкинского «Современника», сама ее композиция, строится в точном соответствии с словами апостола: «Братие, блюдитесь, да никтоже вас будет прельщая философиєю <...>, по стихиям мира, а не по Христе» (Кол. 2, 8). Еще до редакторства в «Современнике» Гоголь в статье «Ал-Мамун» (1834) указывал на пагубность отвлеченной схоластики — лишь маскирующейся «христианскими формами», но на деле несущей в себе вполне языческие начала, «начала политеизма», — на обольстительную «кучу слов», «дерзко обезобразивших идеи христианства» [Гоголь. Т. 7: 350–351]. Позднее, в «Авторской исповеди», Гоголь писал: «Жизнь я преследовал в ее действительности, а не в мечтах воображения, и пришел к Тому, Кто есть источник жизни» [Гоголь. Т. 6: 228]. «Итак, — заключал Гоголь в рецензии, предназначавшейся на пушкинского «Современника», — мы, сделавши такие великие тысячетные обходы, наконец возвращаемся к той истине, которая была сказана еще в глубине младенческих сердец наших. И вот уже история показывает умам соединение с философией и образует великое здание. И вот уже везде, во всех нынешних попытках романов и повестей, видно стремление осуществить, окрылить или доказать какую-нибудь мысль, и только посредственность бывает виною, что изысканная, неправильная мысль иногда предпочитается глубокой и простой» [Гоголь. Т. 6: 495]. Вскоре, в «Мертвых душах», Гоголь прямо повторил эти размышления: «Какие

отвлеченность, «изысканность» схоластики Гоголь определял, вслед за Пушкиным, как характерный признак ограниченности и «посредственности»¹. В самом начале сотрудничества Гоголя с московскими славянофилами, наряду с единодушием в общем понимании главных положений славянофильского учения, созревала гоголевская критика тех черт славянофильства, которые оказывались несовместимы с взглядами православного мыслителя.

В 1902 г., подразумевая цитированные слова Киреевского о «господстве Вольтера» и об «уничтожении» этого «господства» Шеллингом и Гегелем, известный впоследствии патролог Н. И. Сагарда так объяснял связь славянофильства с немецкой философией: «Кумир, воздвигнутый Европой в лице Вольтера и французских энциклопедистов, был ниспровергнут вместе с французской революцией; но вскоре <...> на вновь воздвигнутом пьедестале <...> Шеллинг и Гегель сменили Вольтера. Русская передовая молодежь, привыкшая зорко следить за тем, что происходило у наших западных соседей, не замедлила ознакомиться с этими метафизическими системами... <...> Кто не знаком был с немецкой философией, <...> тот не признавался образованным человеком... <...> ...Особенно замечателен кружок, <...> собиравшийся в <...> доме А. П. Елагиной. <...> Наряду с <...> братьями Киреевскими, Хомяковым, К. Аксаковым, Ю. Самариным, Валуевым, И. Аксаковым и др. здесь можно было встретить и позднейших их антагонистов — <...> Герцена, Грановского, Белинского и др. <...> Содержание споров вращалось на том, что было тогда господствующим интересом нового литературного поколения, — это была немецкая философия... <...> По вопросу о национальной самобытности <...> особенно выдвинута была философия Шеллинга и Гегеля» [Сагарда: 870–872].

Именно в критическом отношении к западной схолистике, «родной» для большинства славянофилов, и заключается, наряду с отвержением оппозиционности и осуждением скороспелости их начинаний, прин-

искривленные, <...> заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь... <...> Поди ты сладь с человеком! <...> пропустит мимо создание поэта, ясное как день, <...> а бросится именно на то, где какой-нибудь удалец напутает, наплетет, изломает, выворотит природу...» [Гоголь. Т. 5: 203, 200].

¹ О гоголевской критике схолистического мышления см. подробнее: [Виноградов, 2016 (б)].

ципиальное размежевание Гоголя с его друзьями. Весьма характерно в этой связи то, что, когда весной 1840 г. Гоголь оказался непосредственно в кружке московских славянофилов, то именно Иван Киреевский не нашел с ним общего языка. Е. М. Хомякова, передавая тогда брату Н. М. Языкову критический отзыв Киреевского о Гоголе, замечала: «У них кто не кричит, тот и глуп» [Хомяков: 106].

Известно, что Гоголь предпочитал выражать свою точку зрения в многозначных художественных образах, а не в схоластических диспутах и «словопрениях» (2 Тим. 2, 14). В статье «Споры» он замечал: «Поверь, уже так заведено и нужно, чтобы передовые крикуны вдоволь выкричались <...>, дабы умные могли <...> надуматься вдоволь» [Гоголь. Т. 6: 53]. Для «передового крикуна» Киреевского эта принципиальная особенность Гоголя осталась не понятой. Но о гоголевском критическом отношении к схоластическим и радикальным чертам славянофильства можно определенно судить по взаимоотношениям писателя с тем же К. С. Аксаковым, до которого Гоголь попытался донести свою позицию, видимо, потому, что находился с ним в более близких отношениях.

На «немецкое» философствование К. С. Аксакова, по-прежнему объединявшее его (до определенной степени) с бывшим московским приятелем Белинским, Гоголь указывал не раз. Гоголю было хорошо известно, с какими восторженными впечатлениями вернулся К. С. Аксаков в конце октября 1838 г. в Россию после нескольких месяцев пребывания в Германии и Швейцарии.

В июле 1838 г. Аксаков писал родным из Дрездена: «Дрезден, Дрезден! <...> Здесь только явилась мне дорогая моя Германия <...>. Я русский, <...> но <...> только в Германии (т. е. в просвещении ее) могу находить <...> полную отраду» [Аксаков К. С., 1898: 82–85]. Стоит сравнить с этими аксаковскими признаниями отзывы о своих зарубежных вояжах других гоголевских друзей и знакомых. П. В. Киреевский в ноябре 1829 г. писал брату Ивану: «Только побывавши в Германии, вполне понимаешь великое значение Русского народа, свежесть и гибкость его способностей, его одушевленность» [Лясковский: 22–23]. Шевырев в 1832 г. писал из-за границы Погодину: «...Все убеждает меня, что наша пора пришла, и двинь нас царь, мы будем первыми. <...> ...Радуюсь, что я Русский. Возвращаюсь более Русским, нежели чем поехал» [Мартынов: 110, 260]. Граф И. М. Виельгорский, совершавший заграничное путешествие в свите Наследника, в 1838 г. сообщал сестре из Эмса:

«Я благодарю Бога, что я русский; <...> ...Россия молода, народ свеж, и ее ожидают великие судьбы. Я с каждым днем становлюсь более и более русским в душе...» [Розанов: 301–302].

Были, конечно, и те, в ком заграница оставляла иные следы. О таких святитель Игнатий (Брянчанинов) в 1859 г. замечал: «Я видел в Петербурге купцов, погостивших в Европе, и подивился тому удалению, той дикости, которые они начали являть к Церкви и духовенству. Видел там детей священнических, образованных по-европейски: то же самое!» [Игнатий Брянчанинов: 368].

О том, какова могла быть или даже была, но осталась без подробных свидетельств, полемика Гоголя с К. С. Аксаковым по поводу увлечения последнего Германией, можно судить по многолетнему, длившемуся с 1838 г. по 1842 г., спору писателя по этому же вопросу со своей бывшей ученицей М. П. Балабиной (см.: [Виноградов, 2017 (2): Т. 2: 575–576]).

Увлечение своего друга К. С. Аксакова «отрадным» немецким «просвещением» не могло не насторожить Гоголя. Кроме Балабиной перед его глазами был еще один разительный пример, когда влияние новейшей европейской философии отрицательно сказалось на взглядах близкого ему человека. Гоголь не мог не поразиться, сколько невразумительного, подчас еретического осталось в размышлениях его друга художника А. А. Иванова¹, создателя знаменитой картины «Явление Мессии» (1832–1857), после его знакомства и близкого общения в 1832–1833 гг. с московским «любомудром» Н. М. Рожалиным, приехавшим в Рим из Мюнхена после слушания там вместе с И. В. Киреевским лекций немецких профессоров.

Страстное увлечение К. С. Аксакова и других московских славянофилов немецкой философией, являющее собой наглядный феномен *западничества в славянофильстве*, было вполне очевидно для окружающих и в те же годы было отмечено не одним Гоголем. Так, даже о самом выдающемся и наиболее глубоко преданном вере и Церкви славянофиле, А. С. Хомякове, князь П. А. Вяземский в 1847 г. писал В. А. Жуковскому: «...Его народность и руссословие несколько отуманены немецким, или вообще нерусским направлением» [Гиллельсон, 1969: 296]. Другой современник, сенатор и литератор К. Н. Лебедев замечал: «Из сочинений его “Ермак” и “Дмитрий Самозванец” замечательны своею историческою неверностью, германской идеализацией. <...>

¹ См.: [Зуммер: 19–20], [Алленов: 150–151], [Виноградов, 2001: 9, 83, 88–100, 113, 115–116, 131–132, 135, 144].

Я видывался с ним в 1850 г. у А. Е. Шиповой и М. П. Погодина. Мне не понравился он безусловным порицанием Европейских заимствований и всех действий правительства, о которых он не имел даже приблизительно точных сведений» [Лебедев: 573].

Славянофил Чижов, человек религиозный, крайне возмущенный в 1836 г. запрещением Государем периодического издания «Русский сборник» (Император, как известно, написал тогда на представлении: «и без того много»), назвал Государя в своем дневнике «коронованным скотом» [Долдобанов, Сидоров: 850].

Вполне вероятно, что пастырская деятельность отца Матфея Константиновского среди старообрядцев Ржева тоже была близка Гоголю именно потому, что тот, в свою очередь, имел дело с людьми верующими, но настроенными против правительства. Известно, что старообрядцы внесли свой вклад в революцию 1917 г. Именно оттуда идет линия признания русского императора, Петра I, антихристом и свойственное для славянофильской критики обличение петровских реформ. Тема раскола, как известно, присутствует в «Мертвых душах».

Иван Киреевский даже в 1855 г., к тому времени уже прочно связавший свою жизнь с Оптиной Пустынью, принимавший участие в оптинских изданиях творений святых отцов, написавший подробное житие преподобного Паисия Величковского, опубликованное в 1844 г. в погодинском «Москвитянине» [Киреевский, 1844]¹, — в письме к князю П. А. Вяземскому, говоря о покойном Императоре Николае I, «обличал» его вполне по-«герценовски»: «...Хвалить его <Государя> <...> за покровительство и сочувствие к просвещению и словесности — то же, что хвалить Сократа за правильный профиль. <...> Гоголю царь дал несколько денег на бедность, не зная хорошо, кто такой Гоголь, и не для него, а для тех, кто за него просили. Когда имя Гоголя и его громкое значение в нашей литературе сделались известными, то даже память о нем преследовалась, как вещь, враждебная правительству. Спросите об этом Ивана Тургенева и Ивана Аксакова» [Гиллельсон, 1966: 132].

Вопреки заявлениям Киреевского, сам Гоголь вряд ли согласился бы с такой интерпретацией отношений к нему монарха, — ни в изложении Киреевского или Аксакова², ни, тем более, со слов западника Тургенева³.

¹ Авторство И. В. Киреевского указано П. Н. Сакулиным [Сакулин: 393].

² См.: [Виноградов, 1998]; [Виноградов, 2016 (a)].

³ См.: [Виноградов, 2018 (b)].

Становятся в этом свете понятными и упреки Константину Аксакову в склонении к «немецчине лукавой», которые адресовал ему друг Гоголя, поэт Николай Языков в послании «К молодому человеку» (1845): «Дай руку мне! Но ту же руку / Ты дружелюбно подаешь / Тому, кто гордую науку / И торжествующую ложь / Глубокомысленно становится / Превыше истины святой, / Тому, кто нашу Русь злословит / И ненавидит всей душой, / И кто немецчине лукавой / Передался. — И вслед за ней, / За госпожою величавой, / Идет блистательный лакей...»¹. Это языковское стихотворение Гоголь оценил как впечатляющее, «нестерпимое количество света», поднесенное «к глазам» Аксакова [Гоголь. Т. 13: 85].

По поводу задуманной и уже в 1839 г. почти законченной К. С. Аксаковым диссертации о Ломоносове славянофил С. П. Шевырев в 1845 г. писал Гоголю: «Хороший и большой труд <...>. Но Гегель подпустил дыму, иногда и в мысль, а всего более в слог» [Гоголь. Т. 13: 198]. На письмо Шевырева о труде Аксакова Гоголь отвечал: «Что же касается до диссертации его, то, еще не читая ее, советовал ему не подавать ее, даже уничтожить ее вовсе...» [Гоголь. Т. 13: 212].

Достаточно в качестве примера привести лишь одну фразу из аксаковской диссертации: «Отрицание само есть вместе и подтверждение; вспомним, что мы ничего не видим, кроме отрицания; в таком случае отрица вещь, мы ее признаем, и становим моментом самое отрицание» [Аксаков К. С., 1846: 18]. Таким слогом написана большая часть диссертации К. С. Аксакова о русском поэте Ломоносове. Как уже указывалось, еще Пушкин в 1836 г. говорил, что «философия немецкая» нашла в Москве «слишком много молодых последователей», — и высказывал пожелание, чтобы ее сменил «дух более практический» [Пушкин: 18].

Но диссертацию Константина Аксакова отличает не только ее «немецкий» стиль. В работе юного оппозиционера-славянофила сквозит и «подковерное», подцензурное недоброжелательство к самому Ломоносову. Более откровенно Аксаков излагал свое критическое отношение к ломоносовскому наследию в частных письмах. Эти высказывания ничем не отличают его от Белинского, бывшего его московского друга, который, подразумевая глубокий монархизм Ломоносова и Державина, не раз высказывался в их адрес весьма негативно. Дошло до того, что либералы за оды русских писателей царям объявили русскую литературу XVIII в. вообще несуществующей. Не только Гоголь, возражавший

¹ Цит. по первой публикации: [Жихарев: 44–45].

К. С. Аксакову, но и ранее Пушкин вынужден был защищать от нападок Андрея Тургенева, Бестужева, Кюхельбекера, того же Ивана Киреевского, Веневитинова, Ксенофонта Полевого, Белинского достоинство русской словесности XVIII столетия — ее абсолютное *не* «ничтожество», а богатство и высокий статус [Виноградов, 2019]. Современные исследователи, в отличие от Пушкина и Гоголя, до сих пор не отдают себе отчета в сути этой декабристской негативистской критики.

Имея в виду все перечисленные назидания Гоголя в адрес Аксакова: и по поводу критики «Одиссеи» и «Домостроя», и по поводу нигилистического отношения к русской поэзии, начиная с Ломоносова, и насчет эпатирующего ношения кафтана и бороды, и против фарисейской «кичливости» и «хвастовства», с неразумной «приткостью» и скороспелостью, и в опровержение неприязни приятеля к «дому Романовых», и как реакцию на его «оппозиционное» противопоставление Москвы правительственному Петербургу, и для искоренения пристрастия славянофила к немецкой схоластике, — подразумевая все эти гоголевские обличения, можно сделать вывод, что К. С. Аксаков «с полным правом» мог заслужить от писателя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» такое же обличение — и едва ли не большее, — какое получил Погодин.

В то же время, очевидно, что адресованная друзьям гоголевская критика раздается не «слева» — не с чуждой, неприемлемой для писателя западнической позиции, а, напротив, «справа» и «сверху», т. е. с еще более высокой, духовной точки зрения, с платформы еще более консервативных, «еще более славянофильских» взглядов. Западники, по оценке писателя, только еще начинают сознавать свои заблуждения. Куда дальше вперед от них ушли «восточники». Но и те, будучи на пути к истине, достаточным потенциалом для выполнения задачи общенационального строительства еще не обладают. Хотя и в меньшей мере, они тоже не дозрели для того, чтобы быть достойными проводниками «русского духа по русской земле» [Гоголь. Т. 13: 388]. Процесс только в самом начале: «...Мы начинаем просыпаться, но еще не вполне проснулись...» [Гоголь. Т. 6: 51]. Для чаемого построения жизни по самобытным, православным началам сделано до сих пор крайне мало: «...Славянисты <...> хвастуны; из них каждый <...> найденное им зернышко раздувает в репу» [Гоголь. Т. 6: 52]. К примеру, Ю. Ф. Самарин в письме к К. С. Аксакову из Петербурга в Москву в феврале 1845 г. тоже

указывал на незначительный в целом тогдашний вклад славянофилов в общее дело: «Мы ещё ничего не доказали или очень немногое; всё, что мы утверждаем о нашей истории, о нашем народе, об особенностях нашего прошедшего развития, всё это угадано, а не выведено» [*Самарин*: 156]. Словом, хотя западники, несомненно, от истины дальше, однако мировоззрение и раздражающая многих, скороспелая деятельность «славянистов» тоже ещё не способны «внести в самые огрубелые души святыню» народной жизни — «вызвать нам <...> нашу русскую Россию: не ту, которую показывают нам грубо какие-нибудь квасные патриоты, и не ту, которую вызывают к нам из-за моря очужеземившиеся русские» [*Гоголь*. Т. 6: 196].

Мнение об «изолированности» Гоголя от полемики славянофилов и западников, представление о том, будто писатель находился «между стульями» славянофильства и западничества, являются несостоятельными. Роль Гоголя в современных ему движениях была во многом уникальной. Будучи славянофилом-«государственником», убежденным сторонником единства славян и идеологом и защитником единственной в славянском мире мощной государственности, славянской русской державы, создатель «Тараса Бульбы» продолжал линию Н. М. Карамзина, С. С. Уварова, М. П. Погодина, С. П. Шевырева, святителя Петра Цетинского, протоиерея Матфея Константиновского. Словом, Гоголь стоял определенно выше многих представителей как западнического, так и славянофильского направлений, ибо по целому ряду вопросов превосходил не только далеких от него западников, но и гораздо более близких ему «восточников», которые тоже не достигали масштабности и объективности гоголевского художнического видения.

Список литературы

Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила И. Ф. Пирожкова. М., 1988. 704 с.

<Аксаков К. С.> Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. Рассуждение кандидата Московского Университета *Константина Аксакова*, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения. М.: В типографии Николая Степанова, 1846. 522 с.

<Аксаков К. С.> Неизданные письма из-за границы К. С. Аксакова, 1838 года, с примечаниями Г. М. Князева (продолжение) // *Космополис*. (Cosmopolis). СПб., 1898. Т. 10. № 4. Апрель. С. 74–88.

Алленов М. М. Александр Андреевич Иванов. М.: Изобразительное искусство, 1980. 206 с.

Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. 596 с.

Варнава (Беляев), епископ. Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетики. В 4 т. Нижний Новгород, 1996. Т. 1. 478 с.

Виноградов И. А. «Спасен я был Государем». Неизвестное письмо Н. В. Гоголя к Императору Николаю Павловичу и его отношение к монархии // Литература в школе. 1998. № 7. С. 5–22.

Виноградов И. А. Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М.: ИД «XXI век — Согласие», 2001. 776 с.

Виноградов И. А. Комментарий // Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 387–656.

Виноградов И. А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. М., ИМЛИ, 2012. Т. 2. 1031 с.

Виноградов И. А. Отеческое попечение: Император Николай I в судьбе Гоголя // Studia Litterarum. 2016a. Т. 1. № 1–2. С. 269–277.

Виноградов И. А. Гоголь о поэзии и схоластике. (К авторскому определению жанра «Мертвых душ») // Творчество Н. В. Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения / Под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2016б. С. 226–233.

Виноградов И. А. Славянофильство русское, польское и украинское: Н. В. Гоголь, А. Мицкевич и О. М. Бодянский // Гоголь и славянский мир. Шестнадцатые Гоголевские чтения / Под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2017a. С. 69–77.

Виноградов И. А. Гоголь и западное славянофильство: К постановке проблемы // Studia Litterarum. 2017. № 4. С. 182–207.

Виноградов И. А. Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2017в. Т. 15. № 3. С. 35–69.

Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852): в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017г. Т. 2: 1829–1836; Т. 4: 1842–1844. 672 + 704 с.

Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание. В 7 т. Т. 5. 1845–1847а. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 928 с.

Виноградов И. А. Литературная проповедь Н. В. Гоголя: pro et contra // Проблемы исторической поэтики. 2018б. Т. 16. № 2. С. 49–124.

Виноградов И. А. «Когда в товарищах согласья нет...» А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, С. С. Уваров // Два века русской классики. 2019. Т. 1. № 1. С. 34–103.

Вяземский П. А., князь. Языков. — Гоголь // Санкт-Петербургские Ведомости. 1847. 24 апр. № 90. С. 417–418.

Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 7. 468 с.

Гиллельсон М. Неизвестные публицистические выступления П. А. Вяземского и И. В. Киреевского // Русская литература. 1966. № 4. С. 120–134.

Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969. 393 с.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

Т. VI. Выбранные места из переписки с друзьями. Духовная проза. Критика. Публицистика. 744 с.;

Т. VII. Юношеские опыты. Первоначальные редакции. 816 с.

Т. XII. Переписка 1842–1844. 704 с.;

Т. XIII. Переписка 1845–1846. 592 с.;

Т. XIV. Переписка 1847. 606 с.;

Т. XV. Переписка 1848–1852. 624 с.

Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. М., 1952. Т. 58. С. 533–772.

<Долдобанов Г. И., Сидоров И. С.> Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина. В 3 т. 1826–1837. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 3. Кн. 1. 1835–сентябрь 1836 / Сост. Г. И. Долдобанов, И. С. Сидоров. 872 с.

Жихарев М. И. Петр Яковлевич Чаадаев. Из воспоминаний современника. Статья вторая // Вестник Европы. 1871. № 9. С. 9–54.

Зуммер В. М. О вере и храме А. Иванова. С IV таблицами (42 снимка). Издание журнала «Христианская Мысль». Киев, 1918. 60 с.

Игнатий Брянчанинов, святитель. Письма. М., 1993. Т. 7. 480 с.

<Киреевский И. В.> Житие Молдавского Старца Паисия Величковского (Житие и подвиги Отца нашего Старца Паисия, Архимандрита Молдавских святых монастырей Нямецкого и Секула; Писания Старца Паисия, Архимандрита Молдавляхийския Нямецкия обители; Оглавление) // Москвитянин. 1844. № 4 (цензурное разрешение 26 мая). <Отд. 4>. С. 1–78.

<Киреевский И. В.> Отверьки, найденные в бумагах И. В. Киреевского. <Продолжение статьи «О необходимости и возможности новых начал для философии»> // Русская Беседа. Год второй. Кн. 5. 1857. № 1. Отд. 2. С. 1–24.

Лавеле Э., де. Балканский полуостров / Пер. с фр. с примеч. и доп. Н. Е. Васильева. Издание Н. Т. Солдатенкова. М.: Типография В. В. Исленьева, 1889. 1122 с.

<Лебедев К. Н.> Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Русский Архив. 1910. № 12. С. 540–582.

Ляковский В. Н. Братья Киреевские. Жизнь и труды их. СПб., 1899. 99 с.

Мартынов В. А. У истоков «русской идеи»: жизнь и судьба С. П. Шевырева. М.: Форум, 2013. 280 с.

<Петр Цетинский>. Святой Петр Цетинский — патриарх нового времени / Пер. с серб.: С. А. Луганская, Г. В. Рачук, М. Тодич, И. М. Числов. М.: Сибирская Благовонница, 2015. 621 с.

Пирожкова Т. Ф. Примечания // Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849 / изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988. С. 554–684.

Пушкин А. С. Москва // Соч. Александра Пушкина. СПб.: В типографии И. Глазунова и К^о, 1841. Т. 11. С. 13–18.

Розанов А. С. Ф. Лист в Риме в 1839 г. (по материалам семейного архива графов Виельгорских) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1983. Л., 1985. С. 295–303.

Сагарда Н. И. Славянофильство и его идеалы. (Речь, произнесенная в актовом зале Полтавской духовной семинарии 11 Мая — в день памяти свв. первоучителей славян Кирилла и Мефодия) // Полтавские Епархиальные Ведомости. 1902. 1 июля. № 19. Часть неофициальная. С. 865–876.

Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. Т. 1. Ч. 1. 616 с.

[Самарин Ю. Ф.] Сочинения Ю. Ф. Самарина. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1911. Т. 12. Письма 1840–1853. 478 с.

Срезневский И. И. На память о Бодянском, Григоровиче и Прейсе, первых преподавателях славянской филологии // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1878. Т. XVIII. № 6. С. 1–47.

Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: <в 8 т.> М.: Унив. тип., 1900. Т. 8. 480 – 58 с.

References

Aksakov I. S. *Pis'ma k rodnym. 1844–1849* [Letters to relatives. 1844–1849]. Moscow, 1988. 704 p. (In Russ.)

Aksakov K. S. *Lomonosov v istorii russkoj literatury i russkogo jazyka. Rassuzhdenie kandidata Moskovskogo Universiteta Konstantina Aksakova, pisanное na stepen' magistra filosofskogo fakul'teta pervogo otdelenija* [Lomonosov in the history of Russian literature and Russian language. The reasoning of the candidate of the Moscow University Konstantin Aksakov, written for the master's degree of the Faculty of Philosophy of the first department]. Moscow, V tipografii Nikolaja Stepanova Publ., 1846. 522 p. (In Russ.)

Aksakov K. S. *Neizdannnye pis'ma iz-za granicy* K. S. Aksakova, 1838 goda, s primechanijami G. M. Knjazeva (prodolzhenie) [Unedited letters from abroad, ed. By K. S. Aksakov, 1838, with notes by G.M. Knyazev (continued)]. *Kosmopolis. (Cosmopolis)*. Sankt-Peterburg, 1898, vol. 10, № 4, April, pp. 74–88. (In Russ.)

Allenov M. M. *Aleksandr Andreevich Ivanov*. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1980. 206 p. (In Russ.)

Belinskij V. G. *Polnoe sobranie sochinenij: V 13 tomah* [Complete Works: In 13 vols]. Moskva: Izdatel'stvo of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 12. 596 p. (In Russ.)

Varnava (Beljaev), Bishop. *Osnovy iskusstva svjatosti. Opyt izlozhenija pravoslavnoj asketiki* [The basics of the art of holiness. The experience of the presentation of Orthodox asceticism]. In 4 vol. Nizhny Novgorod, 1996, vol. 1. 478 p. (In Russ.)

Vinogradov I. A. «Spasen ja byl Gosudarem». Neizvestnoe pis'mo N. V. Gogolja k Imperatoru Nikolaju Pavlovichu i ego otnoshenie k monarhii [“I was saved by the Sovereign”. Unknown letter N. V. Gogol to the Emperor Nikolai Pavlovich and his attitude to the monarchy]. *Literatura v shkole* [Literature at school]. 1998, № 7, pp. 5–22. (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Aleksandr Ivanov v pis'mah, dokumentah, vospominanijah*. Nauchnoe izdanie [Alexander Ivanov in letters, documents, memoirs. Scientific publication]. Moscow, Izdatel'skij Dom «XXI vek — Soglasie» Publ., 2001. 776 p. (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Kommentarij* [Comment]. Gogol' N. V. *Taras Bul'ba*. *Avtografy, prizhiznennnye izdanija. Istoriko-literaturnyj i tekstologicheskij kommentarij* [Taras Bulba.

Autographs, lifetime editions. Historical and literary and textual commentary]. The publication was prepared by I. A. Vinogradov. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 387–656. (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Gogol' v vospominaniiakh, dnevnikh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistematicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv* [Gogol in contemporaries' memoirs, diaries and correspondence. Full systematic set of documentary evidence]. In 3 v. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013. Vol. 2. 1032 p. (In Russ.)

Vinogradov I. A. Otecheskoe popechenie: Imperator Nikolaj I v sud'be Gogolja [Fatherland care: Emperor Nicholas I in the fate of Gogol]. *Studia Litterarum*, 2016, vol. 1, № 1–2, pp. 269–277. (In Russ.)

Vinogradov I. A. Gogol' o poezii i sholastike. (K avtorskomu opredeleniju zhanra «Mertvyh dush») [Gogol about poetry and scholasticism. (To the author's definition of the genre of "Dead Souls")]. *Tvorchestvo N. V. Gogolja i evropejskaja kul'tura. Pjatnadcatye Gogolevskie chtenija* [Creativity N. V. Gogol and European culture. Fifteenth Gogol reading]. Under the general editorship of V. P. Vikulova. Moskva, Novosibirsk, Novosibirskij izdatel'skij dom Publ., 2016, pp. 226–233. (In Russ.)

Vinogradov I. A. Gogol' i zapadnoe slavjanofil'stvo: K postanovke problemy [Gogol and Western Slavophilism: To the formulation of the problem]. *Studia Litterarum*, 2017, № 4, pp. 182–207. (In Russ.)

I. A. Kosmopolit ili patriot? Konceptija patriotizma v sporah s Gogolem i o Gogole [Cosmopolitan or patriot? The concept of patriotism in disputes with Gogol and Gogol]. *Problemy istoricheskoi pojetiki* [Problems of historical poetics]. Petrozavodsk, 2017, vol. 15, № 3, pp. 35–69. (In Russ.)

Vinogradov I. A. Slavjanofil'stvo russkoe, pol'skoe i ukrainskoe: N. V. Gogol', A. Micevich i O. M. Bodjanskij [Slavophilism is Russian, Polish and Ukrainian: N. V. Gogol, A. Micevich and O. M. Bodjanskij]. *Gogol' i slavjanskij mir. Shestnadcatye Gogolevskie chtenija* [Gogol and the Slavic world. Sixteenth Gogol Readings]. Edited by V. P. Vikulova. Moscow, Novosibirsk, Novosibirskij izdatel'skij dom Publ., 2017, pp. 69–77. (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolja (1809–1852). Nauchnoe izdanie. V 7 tomah* [Chronicle of the life and work of N. V. Gogol (1809–1852). Scientific publication. In 7 volumes]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017, vol. 2: 1829–1836. 672 p. (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolja (1809–1852). Nauchnoe izdanie. V 7 tomah* [Chronicle of the life and work of N. V. Gogol (1809–1852). Scientific publication. In 7 volumes]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, vol. 5: 1845–1847. 928 p. (In Russ.)

Vinogradov I. A. Literaturnaja propoved' N. V. Gogolja: pro et contra [Literary sermon N. V. Gogol: pro et contra]. *Problemy istoricheskoi pojetiki* [Problems of historical poetics], 2018, vol. 16, № 2, pp. 49–124. (In Russ.)

Vinogradov I. A. «Kogda v tovarishchakh soglas'ia net...» A. S. Pushkin, N. V. Gogol', S. S. Uvarov ["When there is no agreement in comrades..."] A. S. Pushkin, N. V. Gogol',

S. S. Uvarov]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2019, vol. 1, № 1, pp. 34–103. (In Russ.)

Vjazemskij P. A., the prince. *Jazykov. — Gogol'* [Yazykov. — Gogol]. *Sanktpeterburgskie Vedomosti* [St. Petersburg Vedomosti], 1847, April 24, № 90, pp. 417–418. (In Russ.)

Gercen A. I. *Sobranie sochinenij: V 30 t.* [Collected Works: 30 volumes]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1956, tom 7. 468 p. (In Russ.)

Gille'son M. Neizvestnye publicisticheskie vystuplenija P. A. Vjazemskogo i I. V. Kireevskogo [Unknown journalistic speeches of P. A. Vyazemsky and I. V. Kireyevsky]. *Russkaja literatura* [Russian literature], 1966, № 4, pp. 120–134. (In Russ.)

Gille'son M. I. P. A. *Vjazemskij. Zhizn' i tvorchestvo* [P. A. Vyazemsky. Life and art]. Leningrad: Nauka Publ., 1969. 393 p. (In Russ.)

Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 17 t. (15 kn.)* [Full collected works and letters in 17 vol. (15th book)], sost., podgot. tekstov i komment. I. A. Vinogradova, V. A. Voropaeva. M.; Kiev, Izd-vo Moskovskoi Patriarkhii Publ, 2009, vol. 6–7, 12–15. 744, 816, 704, 592, 608, 624 p. (In Russ.)

Gogol' v neizdannoj perepiske sovremennikov (1833–1853) [Gogol in unpublished correspondence of contemporaries (1833–1853)]. Publication and commentary L. Lansky <L. R. Kaplan>. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, 1952, vol. 58, pp. 533–772. (In Russ.)

Doldobanov G. I., Sidorov I. S. *Khronika zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina. V 3 tomakh. 1826–1837* [The Chronicle of the Life and Works of A. S. Pushkin. In 3 volumes. 1826–1837], compiled by G. I. Doldobanov, I. S. Sidorov. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, vol. 3, book 1, 1835 — September 1836. 872 p. (In Russ.)

Zhiharev M. I. Petr Jakovlevich Chaadaev. Iz vospominanij sovremennika. Stat'ja vtoraja [Petr Yakovlevich Chaadaev. From the memoirs of a contemporary. Article Two]. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe], 1871, № 9, pp. 9–54. (In Russ.)

Zummer V. M. *O vere i hrame A. Ivanova. S IV tablicami (42 snimka)* [About faith and the temple of A. Ivanov. With IV tables (42 pictures)]. Izdanie zhurnala «Hristianskaja Mysl'» Publ. Kiev, 1918. 60 p. (In Russ.)

Ignatij Brjanchaninov, prelate. *Pis'ma* [Letters]. Moscow, 1993, vol. 7. 480 p. (In Russ.)

Kireevskii I. V. Zhitie Moldavskogo Ctartsa Paisiia Velichkovskogo [The Life of the Moldavian Starts Paisius Velichkovsky]. *Moskvitianin* [Moskvityanin], 1844, № 4, branch 4, pp. 1–78. (In Russ.)

Kireevskij I. V. Otryvki, najdennye v bumagah I. V. Kirevskogo. [Prodolzhenie stat'i «O neobходимosti i vozможности novyh nachal dlja filosofii»] [Excerpts found in the papers of I. V. Kirevskogo. [Continuation of the article “On the Necessity and Possibilities of New Beginnings for Philosophy”].]. *Russkaja Beseda* [Russian Conversation], 1857, second year, book, № 1, division 2, № 1, pp. 1–24. (In Russ.)

Lavele E., de. *Balkanskij poluostrrov* [Balkan Peninsula]. Translation from French with remarks and additions N. Ye. Vasilyev. Edition N. T. Soldatenkov. Moscow: The printing house of V. V. Islenev Publ., 1889. 1122 p.

Lebedev K. N. *Iz zapisok senatora K. N. Lebedeva* [From the notes of Senator K. N. Lebedev]. *Russkij Arhiv* [Russian Archive], 1910, № 12, pp. 540–582. (In Russ.)

Liaskovskii V. N. *Brat'ia Kireevskie. Zhizn' i trudy ikh* [The Kireevsky brothers. Life and their work]. St. Petersburg, 1899. 99 p. (In Russ.)

Martynov V. A. *U istokov «russkoi idei»: zhizn' i sud'ba S. P. Shevyreva* [At the source of the "Russian idea": the life and fate of S. P. Shevyrev]. Moscow: Forum Publ., 2013. 280 p. (In Russ.)

Petr Tsetinskii]. *Sviatoi Petr Tsetinskii — patriarkh novogo vremeni* [Saint Peter Tsetinsky — patriarch of the new time]. Translation from Serbian S. A. Luganskaya, G. V. Rachuk, M. Todich, I. M. Chislov. Moscow: Siberian Spinebone Publ., 2015. 621 p. (In Russ.)

Pirozhkova T. F. *Primechanija* [Notes]. Aksakov I. S. *Pis'ma k rodnym. 1844–1849* [Letters to relatives. 1844–1849]. Edition prepared by T. F. Pirozhkova. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 554–684. (In Russ.)

Pushkin A. S. *Moskva* [Moscow]. *Soch. Aleksandra Pushkina* [Works of Alexander Pushkin]. St. Petersburg: V tipografii I. Glazunova i K^o Publ., 1841, vol. 11, pp. 13–18. (In Russ.)

Rozanov A. S. F. List v Rime v 1839 g. (po materialam semeinogo arkhiva grafov Vielgorskikh) [Liszt in Rome in 1839 (according to the materials of the family archive of the graphs of the Wielgorsky)]. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. Ezhegodnik* [Monuments of culture. New discoveries. Yearbook]. Leningrad, 1985, pp. 295–303. (In Russ.)

Sagarda N. I. Slavjanofil'stvo i ego idealy. (Rech' proiznesennaja v aktovom zale Poltavskoj duhovnoj seminarii 11 Maja — v den' pamjati svv. pervouchitelej slavljan Kirilla i Mefodija) [Slavophilism and its ideals. (A speech delivered in the assembly hall of the Poltava Theological Seminary on May 11 — on the day of memory of the holy teachers of the Slavs Cyril and Methodius)]. *Poltavskie Eparhial'nye Vedomosti* [Poltava Diocesan Vedomosti], 1902, July 1, № 19, part unofficial, pp. 865–876. (In Russ.)

Sakulin P. N. *Iz istorii russkogo idealizma. Kniaz' V. F. Odoevskii. Myslitel'*. — *Pisatel'* [From the history of Russian idealism. Prince V. F. Odoevsky. Thinker. — Writer]. Moscow: Edition of M. and S. Sabashnikovs, 1913, vol. 1 part 1. 616 p. (In Russ.)

Samarin Ju. F. *Sochinenija Jurija Fedorovicha Samarina: <v 12 t.>* [Works of Yuriy Samarin: 12 volumes] Moscow, Tovariwestvo tipografii A. I. Mamontova Publ., 1911, vol. 12: Letters, 1840–1853. 478 p. (In Russ.)

Sreznevskii I. I. Na pamiat' o Bodianskom, Grigoroviche i Preise, pervykh prepodavatel'iax slavianskoi filologii [In memory of Bodyansky, Grigorovich and Preis, the first teachers of Slavic philology]. *Sbornik Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk* [Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences], 1878, vol. XVIII, № 6, pp. 1–47. (In Russ.)

Homjakov A. S. *Poln. sobr. soch. Alekseja Stepanovicha Homjakova: v 8 tomah* [Full collected works Alexey Stepanovich Khomyakov: in 8 volumes]. Moscow, Universitetskaja tipografija Publ., 1900, vol. 8: Letters. 480 58 p. (In Russ.)